

Вопросы ЭКОНОМИКИ

www.vopreco.ru

В НОМЕРЕ :

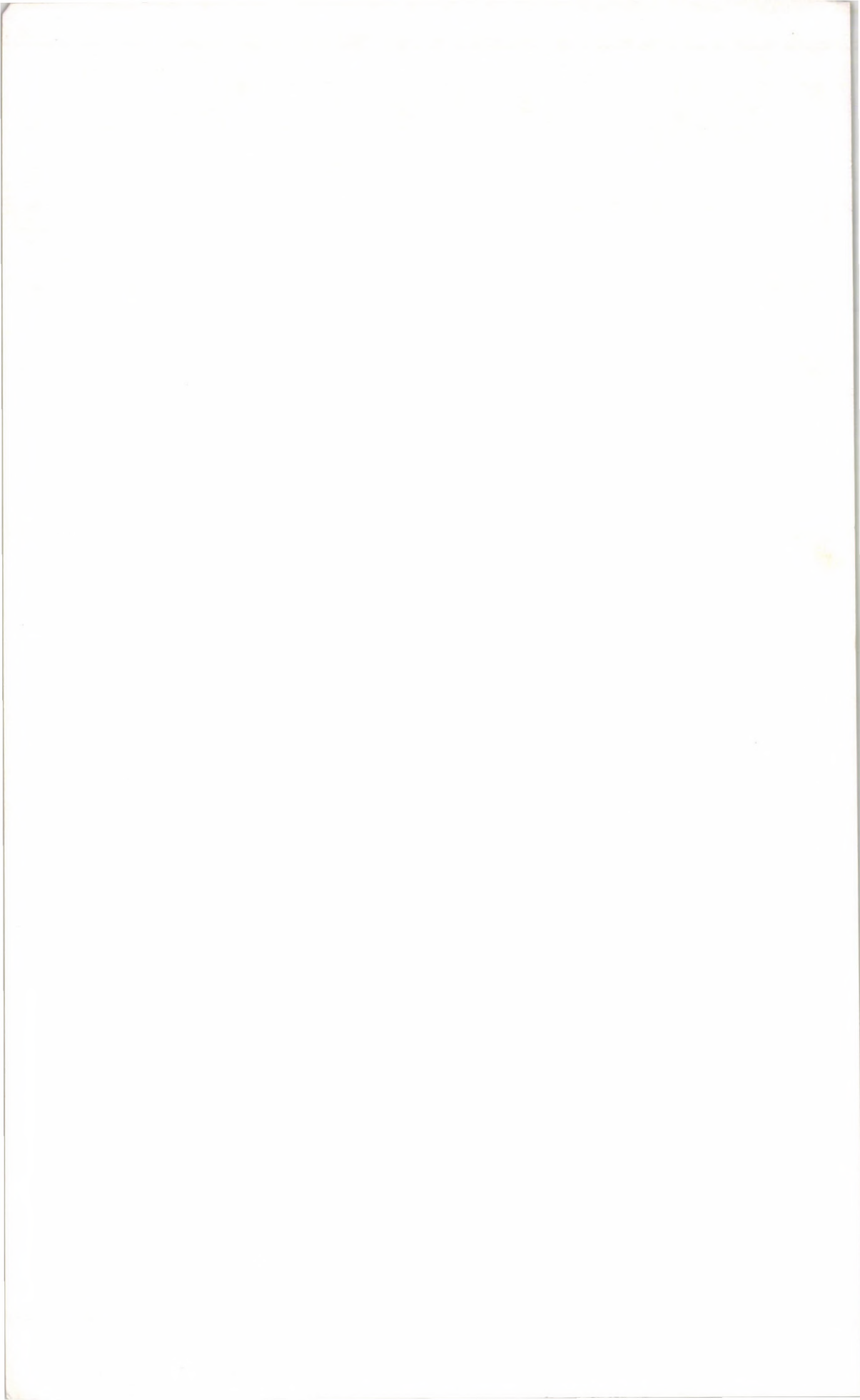
Янош Корнай:
“системная парадигма” *versus* “мэйнстрим”

Правовой вакуум в российской экономике:
от генетических реформ к телеологическим

Интегрированные бизнес-группы
в российской экономике

4

2 0 0 2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Вопросы ЭКОНОМИКИ

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С 1929 г.

апрель

4

2002

Главный редактор **Л. И. АБАЛКИН**

Редакционная коллегия

Р.Н. Евстигнеев, А.Н. Илларионов, А.Я. Котковский (заместитель главного редактора), **С.Н. Красавченко, Ю.В. Куренков, А.Я. Лившиц, В.И. Маевский, В.А. Мау, Б.З. Мильнер, А.Д. Некипелов, Р.М. Нуреев, Н.Я. Петраков, Г.Х. Попов, С.Н. Попов** (ответственный секретарь), **Вад.В. Радаев, В.К. Сенчагов, Д.Е. Сорокин, А.И. Татаркин, Е.Г. Ясин.**

Международный совет журнала

Х. Канамори (Япония), **Г. Колодко** (Польша), **Л. Конг** (Китай), **Р. Мартин** (Великобритания), **Дж.Миллар** (США), **К.Опшенлендер** (Германия), **Л.Чаба** (Венгрия), **М.Элман** (Нидерланды), **М.Эмерсон** (Великобритания)

УЧРЕДИТЕЛИ:

НП «Редакция журнала "Вопросы экономики"»,
Институт экономики РАН

МОСКВА

CONTENTS

PROBLEMS OF THEORY

- J. Kornai** – The System Paradigm 4
A. Oleinik – A Deficit of the Law (*A Critical Political Economy of Private Protection*) 23
O. Kuznetsova – Theoretical Grounds of State Regulation of Regional Economic Development 46
-

- V. Goreglyad** – Budgetary System and Economic Potential of the Country . . . 67

BIG BUSINESS IN RUSSIA

- A. Dynkin, A. Sokolov** – Integrated Business Groups in the Russian Economy . . . 78
M. Bobina – Strategic Inter-firm Alliances 96
M. Deryabina – The Role of Private Capital in Reforming the Russian Defense-industrial Complex 111
K. Savitsky – Russian Corporate Governance Code: Law and Economic Analysis 126

FROM THE RUSSIAN ECONOMIC HISTORY

- A. Pyzhikov** – The Amplitude of the Economic Development of the USSR (1953–1964) 136

REFLECTIONS ON THE BOOK

- Ya. Pevzner** – World Economic Science against Marxist “Orthodoxy” (*On the Book “The History of Economic Thought” ed. by V. Avtonomov, O. Anan’in, N. Makasheva*) 146
V. Perevedentsev – Russia’s Demographic Present and Future (*On the book “Population of Russia 2000” ed. by A.G. Vishnevsky*) 151
-

- Abstracts** 158

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Я. Корнаи – Системная парадигма	4
А. Олейник – Дефицит Права (<i>к критике политической экономики частной защиты</i>)	23
О. Кузнецова – Теоретические основы государственного регулирования экономического развития регионов	46

В. Горегляд – Бюджетная система и экономический потенциал страны	67
--	----

КРУПНЫЙ БИЗНЕС В РОССИИ

А. Дынкин, А. Соколов – Интегрированные бизнес-группы в российской экономике	78
М. Бобина – Стратегические межфирменные альянсы	96
М. Дерябина – Роль частного капитала в реформировании российского ОПК	111
К. Савицкий – Кодекс корпоративного поведения: проблемы разработки и внедрения	126

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СССР

А. Пыжиков – Амплитуда экономического развития СССР (1953–1964 гг.)	136
---	-----

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Я. Певзнер – Мировая экономическая наука против марксистской “ортодоксии” (<i>о книге “История экономических учений” под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой</i>)	146
В. Переведенцев – Демографическое настоящее и будущее России (<i>о книге “Население России 2000” под ред. А. Вишневого</i>)	151

Аннотации к статьям номера (на английском языке)	158
--	-----

Я. КОРНАИ,
профессор экономики,
Гарвардский университет (США) и
Коллегиум Будапешт (Венгрия)

СИСТЕМНАЯ ПАРАДИГМА

Прояснение сути понятий

Данная статья посвящена рассмотрению понятия “парадигма”. Оно было введено в философию науки Т. Куном в его классической работе “Структура научных революций”¹. Правда, он не предложил четкого определения данного понятия, которое стало предметом многочисленных дискуссий.

Перечитывать работы по философии науки и особенно по методологии экономической науки оказалось делом весьма полезным. Стал ясен по крайней мере один вывод – в этой области надо проявлять большую осторожность, поскольку среди авторов отсутствует единство мнений даже в том, что касается интерпретации базовых понятий, и продолжается острая дискуссия. Представители альтернативных направлений научной мысли по философии и истории науки не могут прийти к согласию из-за глубоко укоренившихся эпистемологических противоречий. В результате здесь возникло своего рода “минное поле”, которое желательно обойти.

Начнем наш анализ с прояснения сути рассматриваемых понятий, чтобы избежать непонимания. Мы не ставим своей целью участие в дискуссии о том, насколько правы были К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатош и др. в своем анализе истории науки. Будет достаточно определить смысл, который придается понятию “парадигма”. Можно сказать, что ученые используют одну и ту же парадигму в своей исследовательской и преподавательской деятельности при следующих общих условиях:

1) если они стремятся разрешить одни и те же или тесно связанные между собой “загадки”; рассматривают социальную реальность под одним и тем же или почти под одним и тем же углом зрения; изучают один и тот же или почти один и тот же набор явлений и

¹ Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, The University of Chicago Press, [1962] 1970 (рус. изд.: Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. – Прим. пер.).

готовы абстрагироваться от одинаковых явлений или их не рассматривать; работающие в рамках общей парадигмы характеризуются одинаковыми или близкими мировоззрением, взглядами и подходами;

2) если они используют единый или близкий понятийный аппарат (или относительно просто составляется список терминов, переводящих понятийный аппарат одного автора в понятийный аппарат другого);

3) если они применяют одну и ту же или близкую методологию для наблюдения, обработки эмпирических данных и формулирования выводов; подкрепляют свои констатации одними и теми же или схожими методами.

Других общих свойств у них нет. Иными словами, “партнеры по парадигме” совсем *не обязаны* исходить из одинаковых аксиом или делать одни и те же общие выводы². Наиболее важный набор свойств суммирован в пункте (1): общая парадигма присуща тем, кто изучает одну и ту же проблему, причем схожими способами. Тогда они работают в рамках общей исследовательской парадигмы³.

Понятие парадигмы, представленное в трех вышеприведенных пунктах, не вполне соответствует определению, данному Т. Куном. Однако оно весьма близко к тому смыслу, который сегодня вкладывают в это понятие ученые, не так хорошо знакомые с философией науки.

Многие сомневаются в том, что динамическая схема Куна (нормальная наука развивается в рамках существующей парадигмы, затем следует научная революция, приводящая к триумфу новой парадигмы) находит подтверждение в истории естественных наук. Безусловно, она не типична для истории общественных наук⁴. Использование нами термина “парадигма” в менее узком смысле, очевидно, допускает возможность существования альтернативных парадигм в общественных науках, играющих конструктивную, прогрессивную роль. Здесь мы отнюдь не собираемся выступать за некое беспринципное их “мирное существование”. В истории общественных наук имеются примеры того, как одна парадигма уступает место другой, более жизнеспособной. Если сторонники двух, в остальном совершенно разных парадигм заняты решением одних и тех же проблем, между ними возникает соперничество. Тем не менее мы не стремимся доказать, что представленная здесь парадигма лучше какой-либо другой, а хотим показать, что она – *иная* и что различия между ними оправданны. Она – иная, потому что перед ней стоит задача решать иные проблемы посредством использования отчасти тех же самых, отчасти – других методов по сравнению с

² Понятие “исследовательская программа”, предложенное И. Лакатошем, получило широкое распространение и, по мнению многих авторов, оно богаче, полнее и точнее, чем понятие парадигмы Куна. Выделенные нами три пункта также присутствуют в концепции Лакатоша, хотя он отмечает и другие общие свойства. Все, кто работает в рамках “исследовательской программы” по Лакатошу, разделяют положения одной базовой теории и готовы делать одинаковые дополнительные допущения (Lakatos I. *History of Science and Its Rational Reconstruction*. In: Cohen R. and Buck S. (eds.). *Boston Studies in Philosophy of Science*, 1971, VIII).

³ Здесь мы намеренно используем термин “исследовательская программа” в его обычном смысле, а не в том, как его понимает Лакатош.

⁴ Это убедительно показано М. Блаугом применительно к развитию экономики (Blaug M. *Economic History and the History of Economics*. Sussex, Wheatsheaf Books, 1986).

теми, которые применяются в рамках прочих широко распространенных современных парадигм. В данной работе вводится понятие “системная парадигма”, с которым читатель ознакомится постепенно.

Даже если отложить в сторону исходную концепцию Куна, предполагающую монополию доминирующей парадигмы, нельзя игнорировать его мнение о том, что парадигма – долговременно существующий общий способ мышления научного сообщества. Сменяющие друг друга поколения изучают ранее созданную парадигму по учебникам. Это – критерий, которому отвечает *системная* парадигма. Она позволяет взглянуть на длительный исторический период и обеспечивает определенный круг исследователей интеллектуальным путеводителем, что и призваны делать парадигмы⁵.

Краткий исторический экскурс

В данной статье мы не претендуем на полноту изложения и можем лишь кратко описать развитие системной парадигмы. В отличие от многих других парадигм в естественных или общественных науках системную парадигму нельзя связывать с именем одного великого ученого, выдающегося новатора, давшего толчок научной революции. Эта концепция развивалась рядом авторов в течение длительного периода времени. Ниже будут рассмотрены теории, наиболее ярко выражающие специфические свойства системной парадигмы, отличающие ее от других парадигм.

Первым здесь нужно назвать *К. Маркса*. Безусловно, и до него были системно мыслявшие ученые, но именно его труды и прежде всего “Капитал” (1867–1894 гг.) оказали продолжительное воздействие на способ мышления людей, создав парные категории “капитализм–социализм”. Он противопоставил две формации: существовавшую в реальности и утопию, к которой, по его мнению, следовало стремиться. Маркса можно считать “пионером” системной парадигмы, поскольку он не ограничивался изучением какой-то одной области капитализма (политической, экономической, социальной или идеологической), а рассматривал их в неразрывной связи и анализировал их взаимодействие. С тех пор влияние, которое они оказывают друг на друга, и основные направления причинной связи между ними стали одними из главных объектов исследований ученых, мыслящих в терминах системной парадигмы. Системный подход Маркса заключается в том, что он изучал не отдельные институты капитализма, но их совокупность как систему в целом.

Для целей нашего исследования не важно, дал ли Маркс правильные ответы на вопросы, которые поставил. Согласно определению, принятому в данной работе, именно вопросы, на которые ученые ищут ответы, проблемы, которые необходимо разрешить, формируют основные свойства парадигмы. Маркс задал много вопросов и на них

⁵ Даже если и можно было бы определить трансформационную парадигму, она не отвечала бы критерию длительности. Назовем хотя бы одну причину: период трансформации, начавшийся с крахом коммунистической системы, длится всего несколько лет.

ученые, работающие в рамках системной парадигмы, до сих пор пытаются найти ответы. Выдающимся примером здесь может служить “Коммунистический манифест” К. Маркса и Ф. Энгельса (1848 г.), в котором в драматичной форме был поставлен вопрос о том, как проходило изменение системы, то есть трансформация общества, в период перехода от докапиталистического к капиталистическому строю.

Может вызвать удивление, что в нашем коротком обзоре интеллектуальной теории за именем Маркса следуют имена *Л. фон Мизеса* и *Ф. фон Хайека*⁶. За яростным критиком капитализма и пророком социализма идут два верных сторонника капитализма и убежденных противника социализма. Мы говорим здесь не о физиках и химиках, а об ученых-обществоведах, чьи представления о мире основываются на ценностях и политических предпочтениях. Хотя политические взгляды Маркса, с одной стороны, и Мизеса и Хайека – с другой, противоположны, их объединяет общая убежденность в том, что сравнение капитализма и социализма – достойный объект анализа. Их образу мышления присущи общие парадигмальные элементы. Они изучают общественные отношения и взаимодействия людей. Они считают важными условия, побуждающие определенные группы людей действовать неким образом. В этом и во многих других отношениях они принадлежат к числу создателей системной парадигмы.

Не случайно имя оппонента Хайека *О. Ланге* нами еще не было упомянуто. Проявляя должное уважение к его достижениям в области теории, следует все же сказать, что знаменитая работа Ланге, посвященная экономической теории социализма⁷, не принадлежит к числу трудов, вдохновленных идеями системной парадигмы. Это – чистой воды экономическое исследование. Ланге не рассматривает вопрос, какого рода политический механизм должен ассоциироваться с описываемым им экономическим механизмом. Его не интересует, как будет вести себя руководитель государственной компании, которую он создает, или какие реальные общественные условия будут побуждать людей действовать в соответствии с “правилами”, которые предписаны на бумаге моделью Ланге. Мизес и Хайек не обошли вниманием тот фундаментальный факт, что политика и экономика тесно взаимосвязаны. Стимулы, коммуникации, сбор и обработка информации – подобные вопросы лежат в основе их аргументации. Идеи Мизеса и Хайека являются выдающимися примерами мышления в духе системной парадигмы, а идеи, содержащиеся в исследовании Ланге, ей, скорее, чужды.

Важную роль в формировании системной парадигмы сыграл *К. Поланьи*. Его работы возвращают нас к левому крылу политической сцены – он хотя и не отрицает достоинств рынка, но все же

⁶ Mises L. von. *Socialism. An Economic and Sociological Analysis*. Indianapolis, Liberty, 1981 (рус. изд.: Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. – Прим. пер.). Hayek F. (ed.). *Collectivist Economic Planning*. Amsterdam, North-Holland, 1935; Hayek F. *The Road to Serfdom*. Chicago and London, The University of Chicago Press, 1944 (рус. изд.: Хайек Ф. Дорога к рабству. – Новый мир, 1991, № 7–8. – Прим. пер.).

⁷ Lange O. *On the Economic Theory of Socialism*. – *Review of Economic Studies*, 1936, vol. 4, No 1; 1937, vol. 5, No 2.

подвергает этот механизм жесткой критике. Идея, выдвинутая Поляни, согласно которой экономика может координироваться различными альтернативными механизмами, стала важным элементом системной парадигмы. Помимо рынка он уделяет особое внимание механизмам координации, в основе которых лежат принципы обратимости и перераспределения. Название одной из его важнейших работ – “Великая трансформация”⁸ – подразумевает, что перемены, произошедшие после распада коммунистической системы, не были первыми системными изменениями. Сам рынок является продуктом исторического развития, испытывающим постоянные трансформации.

Еще одним великим “архитектором” системной парадигмы был *Й. Шумпетер*. Упомянем в этой связи в первую очередь его работу “Капитализм, социализм и демократия”⁹, название которой говорит о многом. Шумпетер хочет понять обе системы в их полноте, включая политические, социологические, экономические и идеологические аспекты. В книге поднимаются проблемы, типичные для системной парадигмы, например, вопрос, что обеспечивает целостность системы и что стимулирует начало ее эрозии. Шумпетер подчеркивает необходимость синтеза различных наук, изучающих общество, прежде всего экономики, социологии, политологии и истории, и предлагает предпринять усилия по созданию универсальной общественной науки¹⁰.

Важнейшие свойства системной парадигмы очерчены в работах *В. Ойкена*¹¹. Концепция “орднунга” (порядка), которую он использует, в главном соответствует тому, что в данной статье называется системой – юридическими и институциональными рамками экономической активности. Он различает два основных чистых типа – централизованно управляемую экономику и экономику свободного предпринимательства, и уделяет особое внимание поиску третьего пути. Ойкену не нравится термин “капитализм”, который, как ему представляется, был дискредитирован марксистами. Но это не исключает его из числа сторонников системной парадигмы. Терминологию Ойкена можно легко перевести на язык его “партнеров по парадигме”. Непосредственный опыт гитлеровской и послевоенной Германии, а также изучение ситуации в коммунистическом мире по-

⁸ Polanyi K. The Great Transformation. New York, Farrar and Rinehart, 1944.

⁹ Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. New York, Harper, 1942 (рус. изд.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. – Прим. пер.).

¹⁰ Ю. Шиноя даст отличный обзор того, как эта идея проходит сквозной нитью через все труды Шумпетера, особенно его работы по теории истории и методологии (Shionoya Y. Schumpeter and the Idea of Social Science. Cambridge, Cambridge University Press, 1995).

¹¹ Теория экономического порядка В. Ойкена суммирована в его книге “Die Grundlagen der Nationalökonomie” (Berlin, Springer [1940] 1965) и в наиболее зрелой форме представлена в работе “Grundsätze der Wirtschaftspolitik” (Tübingen, Mohr, [1952] 1975). Первая была переведена на английский (Eucken W. The Foundations of Economics. London, William Hodge, 1950), вторая – нет. Жаль, что идеи этого авторитетного европейского ученого получили ограниченное распространение среди англосаксонских ученых-обществоведов. Хотя мне и раньше доводилось читать его работы, при написании первой версии данной статьи я забыл его упомянуть. Хочу выразить благодарность проф. А. Риллу за то, что он обратил мое внимание на это упущение.

могли ему осознать, как трансформация политической сферы обуславливает изменения в экономическом порядке.

Мы говорили пока о великих “пионерах” системной парадигмы. Однако, согласно Куну, она должна также пронизывать повседневную деятельность исследовательского сообщества, которое в нее верит, позволяя построить на ее основе нормальную науку той или иной отрасли знаний. Кун рассматривает парадигму как средство контроля, способ обеспечения интеллектуальной дисциплины. Таким образом, обсуждение любой парадигмы должно охватывать не только “генералов”, но и “офицеров”, “сержантов” и “рядовых”, соблюдающих одинаковую интеллектуальную дисциплину. Кун также отмечает, что парадигма нормальной науки проявляется в содержании университетских лекционных курсов и в учебниках. Дух системной парадигмы должен присутствовать во многих учебниках по компаративистике – сравнительной экономике, сравнительной социологии и сравнительной политологии¹².

Однако не существует курсов в каком-либо ведущем университете или учебников, озаглавленных “сравнительное обществоведение”, написанных в междисциплинарном шумпетерианском духе. Преподаватели или авторы могут обладать глубокими познаниями и проявлять интерес к изучению родственных дисциплин, но они вынуждены считаться с разделением академического мира на отдельные отрасли знаний. Поэтому неясно, правильно ли говорить (в том смысле, который изначально имел в виду Кун) о формировании в рамках парадигмы нормальной науки, ведь одно из свойств парадигмы – междисциплинарная природа общественных наук – пока еще не получило полной реализации в преподавательской деятельности.

Ситуация выглядит более благоприятной, если мы обратимся к анализу академического взаимодействия ученых, а не преподавателей. Политологи, экономисты и социологи чаще работают вместе как соавторы или участники единых исследовательских групп. Они также проводят и совместные научные конференции¹³.

Этот обзор интеллектуальной истории можно завершить ссылкой на собственную работу автора – книгу “Социалистическая система”¹⁴, в которой поставлена задача синтеза системной парадигмы. В

¹² В качестве примера можно привести два недавно изданных учебника по экономической компаративистике, в которых также рассматриваются проблемы постсоциалистической трансформации (Carson R. Comparative Economic Systems. Armonk, N.Y., M. E. Sharpe, 1997; Chavance B. The Transformation of Communist Systems. Economic Reform since 1950's. Boulder and Oxford, Westview Press, 1994).

¹³ Хороший пример – конференция, организованная Б. Шавансом в Париже в 1998 г. Ее целью было продемонстрировать, что существует большая группа ученых, работающих в рамках системной парадигмы. Эта идея ясно выражена в названии конференции: “Эволюция и трансформация экономических систем: сравнивая социализм и капитализм”.

¹⁴ Kornai J. The Socialist System. The Political Economy of Communism. Princeton, Princeton University Press, 1992 (рус. изд.: Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М.: ИП “Журнал Вопросы экономики”, 2000. – Прим. пер.). Впервые автор попытался использовать принципы системной парадигмы в книге “Антиравновесие” в полемической манере и во многом в сырой и незрелой форме (Kornai J. Anti-Equilibrium. On Economic Systems Theory and the Tasks of Research. Amsterdam, North-Holland, 1971).

ней не предполагалось представить саму парадигму в чистом виде, то есть на языке философии науки. Книга написана в духе системной парадигмы о существующей исторической формации – социалистической системе, которая развивалась под руководством коммунистических партий. Были описаны ее рождение, зрелая форма, эрозия и саморазрушение. Читатели данной статьи, заинтересованные узнать более подробно, что автор имеет в виду под системной парадигмой или ее применением, могут обратиться к этой книге.

Главные свойства системной парадигмы

После обзора интеллектуальной истории формирования системной парадигмы рассмотрим ее главные свойства.

1. Ученые, мыслящие в рамках системной парадигмы, заняты изучением системы в целом и взаимосвязей между этим целым и его частями. Узкий, частичный анализ может быть важным инструментом исследования, но он не вписывается в рамки системной парадигмы.

2. Системная парадигма не может быть сведена к какой-либо частной дисциплине (экономике, социологии, политологии). Ее следует рассматривать как школу всеобъемлющей, цельной общественной науки. Особое внимание при этом надо уделять взаимодействию различных сфер функционирования общества (политики, экономики, культуры, идеологии).

У каждого из ученых, отнесенных в предыдущем разделе к “пионерам” системной парадигмы, изначально была своя узкая специальность; они являлись представителями одной из основных научных дисциплин: К. Поланьи был антропологом, остальные – экономистами. Однако их работа выходит далеко за границы этих дисциплин. Каждый из них был одновременно экономистом, социологом, политологом, историком и философом. Другими словами, они были обществоведами. Подобная комплексность их мышления являлась не случайным авантюризмом или результатом коротких посещений соседних университетских факультетов, а ключевым элементом их образа мышления.

3. Внимание исследователей, руководствующихся принципами системной парадигмы, сосредоточено не на экономических, политических или культурных событиях или процессах как таковых, но на более постоянных институтах, в рамках которых эти события и процессы происходят и которые в основном определяют их ход¹⁵. Здесь следует подчеркнуть необходимость различать институты, возникшие исторически и развивающиеся эволюционным путем, и другие институты, появившиеся в результате принятия специальных бюрократических решений. В таком контексте концепцию института нужно

¹⁵ Существуют значительное пересечение и немалое сходство между этим свойством системной парадигмы и парадигмой “институциональной экономики” (см.: North D. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990; рус. изд.: Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. – *Прим. пер.*). Однако не хотелось бы затушевывать различия между двумя парадигмами, поскольку в других аспектах они весьма значительны.

понимать очень широко. Например, она включает доминирующую правовую структуру рассматриваемой системы, ее моральные нормы и права собственности, распределение центров власти, стимулы, воздействующие на субъекты общества, и информационную структуру. В рамках системной парадигмы особое значение придается тому, являются ли характеристики функционирования общества системно-специфическими или в конечном счете они могут определяться факторами, непосредственно с самой системой не связанными (например, личностью политического лидера, текущей политической или экономической ситуацией или географическим положением страны).

4. Системная парадигма требует тесной увязки в понимании существующей организации общества и исторического процесса, в ходе которого она возникла. Другими словами, исследователь, вдохновляемый этой парадигмой, должен искать объяснение происходящего в истории. Мы стремимся обеспечить тесную связь между различными науками об обществе и историей¹⁶.

5. Согласно положению системной парадигмы, индивидуальные предпочтения являются главным образом продуктами самой системы. Если система меняется, меняются и предпочтения. Многие из тех, чьи работы были упомянуты в нашем историческом обзоре, характеризуются либеральными политическими взглядами, выступают в защиту индивидуальных свобод и за расширение возможностей индивидуального выбора. Это, однако, не противоречит научному анализу того, насколько сильно и как социальная ситуация влияет на индивидуальные предпочтения.

6. Все парадигмы, изучающие общество, в качестве одного из инструментов анализа используют статистические модели, возможно, вследствие наличия методологических проблем. Конечно, ученые осознают, что все в обществе постоянно меняется. Но что отличает мышление тех, кто работает в рамках системной парадигмы, от мышления их коллег, к ней не принадлежащих, так это то, что они интересуются *большими* изменениями, глубокими трансформациями. Например, они изучают процессы упадка, происходящие в системе и способные привести к ее краху и возникновению иной системы. Они задаются вопросом, как осуществляется переход от системы к системе или от одной типичной версии великой системы к другой.

7. Исследователи, работающие в рамках системной парадигмы, признают, что у всех систем есть свои недостатки, или дисфункции, специфичные именно для них. Маркс относит многочисленные недостатки капитализма на счет самой системы, а не жестокости владельцев мельницы. Согласно взглядам Мизеса и Хайека, проблемы социализма вызваны отнюдь не грубостью или паранойей социалистического диктатора или некомпетентностью планирующих органов. Поланьи утверждает, что провалы рынка обусловлены самой его природой. Конечно, Маркс, Мизес, Хайек и Поланьи легче обнаруживают проблемы в системе, к которой они настроены враждебно, чем в той, кото-

¹⁶ С учетом такой связи было бы справедливым включить в наш список великих теоретиков, проложивших дорогу системной парадигме, и М. Вебера.

рой они симпатизируют. Для Шумпетера характерна меньшая предвзятость, он обращает внимание на причины возникновения бюрократических элементов в капиталистическом обществе – в системе, которую он предпочитает. Давайте на минуту отвлечемся от непростой проблемы пристрастности в работах ученого-обществоведа.

Если ученые мыслят в рамках системной парадигмы, то, несмотря на свои пристрастия, они обнаружат, что проблема заключается в изучении внутренних дисфункций рассматриваемой системы. У каждой системы есть свои недостатки. Каждой системе присущи негативные свойства, которые можно лишь смягчить, но не устранить, поскольку их способность к самовоспроизводству глубоко укоренена в самой системе.

8. Все парадигмы характеризуются собственными методами анализа и методологией. Один из наиболее типичных методов системной парадигмы – сравнение. То или иное свойство системы объясняется путем сравнения его с соответствующим свойством другой системы, анализа сходств и различий между ними. Это сравнение осуществляется в основном на качественном уровне, хотя некоторые свойства легко измерить, что дает возможность провести количественные сопоставления, базирующиеся на статистических наблюдениях.

Для теоретического анализа в рамках системной парадигмы не характерно использование математических моделей¹⁷. Чтобы объяснить причины этого, потребовалось бы отдельное исследование. Конечно, здесь играют свою роль несколько факторов, из которых можно выделить наиболее важный. Эконометрика и другие виды общественных наук, использующие математические методы, характеризуются высоким уровнем абстракции. Они вынуждены анализировать узкий “кусоч” реальности, поскольку это – единственный способ построить модель, подходящую для математического анализа. В основе системной парадигмы лежит попытка воспринимать реальность как можно полнее, а не только какую-то одну ее сторону. Поэтому сторонники системной парадигмы готовы серьезно поступиться научной строгостью и точностью. Ее методология “мягче”, чем методология “полужесткой” (или явно “жесткой”) экономической парадигмы. С другой стороны, перед системной парадигмой стоят проблемы, которых последняя избегает.

Постсоциалистическая трансформация – великий вызов

Глубокие преобразования, происходящие на наших глазах с огромной скоростью, предоставляют нам отличную возможность прове-

¹⁷ Есть, правда, несколько исключений. Например, системная парадигма послужила источником вдохновения при написании совместной работы выдающимся представителем математической экономики, лауреатом нобелевской премии Т. Купмансом и известным специалистом в области экономической компаративистики М. Монтиасом (Koopmans T., Montias J. On the Description and Comparison of Economic Systems. In: Eckstein A. (ed.). Comparison of Economic Systems: Theoretical and Methodological Approaches. Berkeley, University of California Press, [1968] 1971).

ритель методологию системной парадигмы и развить ее дальше. Целый ряд стран буквально “перепрыгнул” из одной системы в другую. Если посмотреть на мир в целом, то переход от докапиталистической формации к развитому капитализму занял столетия. Те, кто вначале руководил строительством социалистической системы – классической сталинской системы, прибегали к методам безжалостного насилия, и даже при этом переход занял около 15 лет. Сейчас на возвращение к капитализму ушло менее десяти лет и наиболее продвинутые восточноевропейские страны – Чешская Республика, Венгрия и Польша – переход в основном завершили после того, как в них произошли “бархатные” революции почти без кровопролития и насилия.

Реальный процесс исторических изменений доказывает правоту тех, кто предсказывал, что переход от социалистической системы к капиталистической займет определенный период времени. Хотя не везде переход проходил быстро и во многих странах наблюдались торможения и откаты в процессе реформ, мало кто сомневается, что трансформация идет в направлении капиталистической системы.

Специалисты в области общественных наук нередко завидуют своим коллегам – ученым-“естественникам”, поскольку последние могут проводить лабораторные эксперименты. В данном случае история подарила нам настоящую лабораторию. Пока еще рано говорить о том, правильно ли мы воспользовались (или пользуемся) представившейся возможностью. Парадигма должна “сдать экзамены по нескольким предметам”, чтобы доказать свою работоспособность. Остановимся здесь на двух тесно связанных вопросах. Насколько удачно выдержала системная парадигма тесты на объясняющую способность и теоретическую поддержку повседневной практики?

Системная парадигма оказалась просто незаменимой. Каждый ученый мыслит ее категориями. Социализм и капитализм, командная экономика и рыночная экономика, бюрократия и свободное предпринимательство, перераспределение и суверенитет потребителя – эти и другие концепции обеспечили базу для многочисленных исследований. Как и герой пьесы Ж.-Б. Мольера “Мещанин во дворянстве” г-н Журден, не знавший, что говорит прозой, пока его не просветил учитель философии, многие исследователи проблем постсоциалистического перехода не осознают, что говорят на языке системной парадигмы, а не собственной дисциплины.

В центре внимания оказались проблемы, типичные для системной парадигмы. С какой скоростью должна проходить трансформация? Следует ли реализовывать сразу комплексный пакет реформ или лучше проводить реформы в несколько этапов? В каком порядке надо принимать новые законы? Что нужно делать вначале и что потом? Какие политические условия требуются для осуществления экономических изменений и экономические условия – для политических изменений? Что можно оставить на долю спонтанной, эволюционной трансформации и что необходимо реализовывать активно с помощью государственного вмешательства и инициирования изменений? Ответы могут быть разными, но вопросы – одни и те же. Их задают не отдельные ученые – эти вопросы обсуждают на семинарах, в ходе которых гото-

вятся комплексные доклады Всемирного банка и ЕБРР, а также сотрудники национальных правительственных научных центров.

Убедительный аргумент в пользу системной парадигмы может быть основан на наблюдении за поведением “приглашенных звезд” (guest stars) постсоциалистической трансформации¹⁸. После драматических событий 1990 г. многие западные экономисты, социологи, политологи и правоведаы из академического мира стремились не остаться за бортом. Они должны были увидеть все собственными глазами и предложить свои советы. Энтузиазм многих из них оказался недолгим: они приехали, посмотрели, победили (или проиграли) и уехали. Вот почему мы их называем “приглашенными звездами”. Они напоминали артистов, временно оставляющих свои труппы, чтобы выступить с другой¹⁹. Выделим две их группы.

Что касается первой, то из-за недостатка времени те, кто к ней относится, не сумели выйти за рамки парадигмы, которая сформировала их способ мышления, что лишило их возможности оказывать реальное влияние на ход событий. Однако принадлежащим ко второй группе удалось, частично или полностью, отказаться от своих стереотипов мышления и сознательно или инстинктивно принять подход системной парадигмы. Они почувствовали, что эта ситуация не описывается положениями чистого “экономикс” или частичными моделями. Они не могли следовать обычным путем экономиста, просто абстрагируясь от существования всего, что могло бы поставить под угрозу восприятие теоремы, которую требовалось доказать. Нельзя было произвольно вырвать из контекста какие-либо элементы общества и экономики и сосредоточить анализ только на них одних, потому что те или иные последствия переходных процессов были обусловлены взаимодействием между этими элементами и другими, от которых абстрагировались. В таком случае бессмысленно использовать статические модели в качестве простого способа решения проблемы, поскольку все элементы системы находятся в процессе очень быстрых изменений и трансформации.

Вторая группа “гостей” в большинстве своем была готова отказаться от своих жестких моделей и аргументации и прислушаться к

¹⁸ Хотя автор и пишет с некоторой долей иронии о роли, которую играли гости из-за рубежа, это не означает, что отечественные советники действовали лучше. В числе иностранных и отечественных экспертов были те, кто давал полезные рекомендации; в обеих группах оказались те, чьи советы были ограниченно применимыми или полностью ошибочными. Однако между иностранными и отечественными экспертами было заметное различие в парадигмальных позициях, на которых основывались их советы. Большинство академических экономистов, получивших университетское образование при социализме, не испытали на себе влияния парадигмы “мэйнстрим”, в духе которой были воспитаны экономисты, приехавшие из стран Запада. Хотя отечественные специалисты были плохо знакомы с современным “экономикс”, обсуждение перспектив реформ в годы, предшествовавшие краху коммунизма, научило их думать в терминах одновременного изменения различных элементов системы.

¹⁹ Р. Портес использует другую метафору для описания того же явления. Эти люди напоминают ему “саквояжников” (carpetbaggers) – чиповников-проходимцев с Севера Соединенных Штатов, которые хлынули на Юг в поисках богатства после американской войны за независимость (они приезжали с маленьким саквояжем, в котором находились лишь бритва и смея белья, а уезжали миллионерами. – *Прим. пер.*) (Portes R. Transformation Traps. – The Economic Journal, 1994, vol. 104, No 426).

здоровому смыслу и даже к своей интуиции. Их случай показывает, что причина, по которой в методологии системной парадигмы не используются модели, основанные на формальных допущениях или теоремах, заключается не в том, что ее последователи недостаточно хорошо знакомы с математикой. Даже экономисты с самым лучшим математическим образованием не смогли построить модели, позволяющие сделать убедительные выводы о сути исключительно запутанных проблем постсоциалистической трансформации. Конечно, говоря об этом, следует быть интеллектуально честным. Нужно признать, что системная парадигма лишь частично соответствует критериям строго научного метода. С одной стороны, она требует от своих последователей соблюдения законов логики, подкрепления заключений аргументацией и сравнениями с похожими или противоположными случаями. Придать большую убедительность аргументации могут методы количественного анализа, которые следует применять где только возможно. С другой стороны, работающие в рамках системной парадигмы или делающие обзор работ, написанных ее последователями, могут не требовать ни четких математических доказательств сделанных предположений, ни подтверждения их достоверности с использованием методов эконометрического анализа, выдержавших статистическую проверку.

Можно с уверенностью сказать, что период постсоциалистической трансформации расширил содержание системной парадигмы. Ее концептуальный аппарат обогатился и стал более утонченным, возросли возможности для сравнения. Эконометрический анализ, используемый при международных сопоставлениях, начал играть в методологии системной парадигмы более важную роль²⁰.

Некоторые западные ученые и советники, безусловно, способствовали лучшему пониманию трансформационных проблем, а в отдельных случаях даже сформулировали практические задачи научным и конструктивным образом. Это особенно относится к тем, кто оставался в странах с переходной экономикой на более длительный срок или решил специализироваться в данной области. Они на практике научились тому, что не смогло дать им западное образование.

Умы студентов престижных западных университетов приспособлены к восприятию в качестве рутинного метода триады “гипотеза – теорема – доказательство” и самых современных эконометрических технологий, но большинство из них незнакомы с подходом, предлагаемым в рамках системной парадигмы. Для них не стало условным рефлексом сказать себе: “Я не должен просто спросить, от чего я абстрагируюсь. Не менее важно задать вопрос, от чего я не должен абстрагироваться. Как частная проблема, которую я исследую, связана с целым?” Студентов не побуждают воспринимать положение страны во всей его сложности или, например, выяснять, что они должны

²⁰ См., например: De Mello M., Denizer C., Gelb A. From Plan to Market: Patterns of Transition. In: Blejer M., Skreb M. (eds). Macroeconomic Stabilization in Transition Economies. Cambridge, Cambridge University Press, 1997; Fischer S., Sahay R., Végh C. Stabilization and Growth in Transition Economies: the Early Experience. – Journal of Economic Perspectives, 1996, vol. 10, No 2.

рассматривать, если видят, что страна находится в состоянии кризиса. Студенты могут получить докторскую степень по экономике (PhD), даже если их знания истории, социологии, психологии и философии остались на минимальном уровне средней школы и начальных курсов университетов. Конечно, они могут самостоятельно углублять свои знания, но это не очень приветствуется или поощряется. Более того, могут возникнуть подозрения, что они становятся дилетантами, которые интересуются слишком многим.

Для четверти или даже трети населения Земли изменение системы оказалось опытом "очищения". Граждане трансформирующихся стран не могут и не хотят жить так, как жили раньше. Это чувство "очищения" не затронуло общественные науки в целом. "Приглашенные звезды" за небольшим исключением вернулись в свои родные организации, чтобы продолжить прежнюю работу. Они оставили лабораторию, которой просто нет равных в мире, если они, конечно, вообще в ней работали. Системная парадигма развивалась более или менее обособленно, и на другие парадигмы, прежде всего неоклассического "мэйнстрима", она не оказала практически никакого влияния.

Не было чувства изумления и внутренней обеспокоенности положением дел в нашей науке – типичной реакции здоровых интеллектов и открытых умов в периоды великих преобразований. Сегодня не ощущается отсутствия научной революции в том смысле, который в это понятие вкладывал Кун. Автор не призывает к тому, чтобы парадигму "мэйнстрима" сменила другая парадигма. Все, что требуется сейчас после обретения того огромного опыта, который дала нам постсоциалистическая трансформация, так это более четкое признание нормальной наукой "мэйнстрима" своих ограничений. Ее последователи должны лучше понимать, что они могут делать, а что – нет. Складывается впечатление, возможно, ошибочное, что лишь немногие экономисты сегодня готовы разделять такое суженное, более скромное представление об области применимости парадигмы "мэйнстрима". Более того, есть специалисты, сделавшие прямо противоположные выводы из трансформации социалистической системы в 1990-е годы. Они ошибочно приняли победу реального капитализма над реальным социализмом за победу экономики "мэйнстрима" над всеми другими альтернативными парадигмами. В действительности реальный капитализм победил по целому ряду причин, в частности, благодаря отдельным его отличительным чертам, которые не были достаточно изучены или объяснены в рамках парадигмы "мэйнстрима".

Отметим еще один важный момент. Полностью оправдан подход, согласно которому ученые начинают анализ с изучения капиталистической системы и продолжают исследовать явления в ее рамках при условии, что избравшие такой подход четко осознают его ограничения. Здесь следует вспомнить содержание первого раздела, в котором подчеркивается, что сегодня нет нужды в монополии системной парадигмы. Последняя необходима, чтобы дополнить, а не заменить другие парадигмы, которые применимы в их собственных границах. Конечно, хотелось бы подробнее рассмотреть пределы компетенции парадигмы "мэйнстрима". Что она способна хорошо объяснять, а на какие вопросы она не

отвечает или ее ответы неубедительны? И наоборот, где границы применимости системной (и других) парадигм? Однако отложим изложение взглядов автора по этим вопросам до более подходящего случая.

Некоторые другие “загадки”

В обозримом будущем процесс постсоциалистической трансформации в странах Восточной Европы и на территории бывшего СССР закончится. Вопрос о конкретных сроках его завершения в той или иной стране можно пока оставить открытым. После окончания трансформационного процесса должно пройти немало времени, прежде чем можно будет осмыслить этот опыт на научной основе. Отомрет ли системная парадигма из-за недостатка научных вызовов после того, как наши преемники, наши студенты сумеют добиться успеха в данной области? Ответ – уверенное “нет”. Есть проблемы, которые останутся на повестке дня научных исследований в течение длительных исторических периодов и будут постоянным вызовом системной парадигме. В их числе можно назвать следующие.

1. Коммунистическая партия сохраняет монополию на власть в Китае, который все еще остается коммунистической страной. Прошлая и будущая трансформации Китая – одна из величайших загадок, и добросовестные ученые не могут вводить себя в заблуждение, уверяя, что у них есть ключ к ее разгадке. Поиск ее решения, безусловно, требует участия сторонников системной парадигмы, даже если это – не исключительно их забота. Все проблемы, возникавшие в ходе трансформации в восточноевропейских странах, проявляются и в Китае, но, конечно, по-иному. Гигантские размеры и огромный политический, экономический и военный потенциал Китая делают его одним из важнейших объектов исследования нашего времени. Трансформация в трех других странах – Вьетнаме, Кубе и Северной Корее, где власть также принадлежит коммунистическим партиям, породит аналогичные проблемы, хотя их значение для мира будет совсем другого порядка.

2. Системная парадигма может быть весьма полезной при анализе альтернатив *в рамках* капиталистической системы. Капитализм – не жесткая единая система. Существует множество его мутантных вариантов, из которых история осуществляет свой отбор. В рамках капитализма происходят эволюционные изменения. Изучение мутаций и возникающих в их результате вариантов может обогатить понятийный аппарат системной парадигмы наряду с его проблемным подходом и методологией.

Например, чем различаются японская, американская и немецкая альтернативные модели капитализма? Ответ не будет удовлетворительным, если его искать только в области экономики, политической системы или культурных традиций или если анализ ограничивается изучением одного или двух институтов, таких, как вмешательство государства в экономику или трудовые отношения. Углубленное понимание различий между альтернативными моделями капитализма могло бы способствовать более убедительному объяснению факторов японского экономического “чуда” (до недавнего времени) и укорененных

в системе причин такого быстрого возникновения серьезных проблем. Подобное понимание также показало бы яснее, чем различаются американский и немецкий пути развития современного капитализма.

Обратимся к тому, как нормальная наука, основанная на принципах системной парадигмы, находит отражение в учебниках по компаративистике. Они концентрируются прежде всего на сравнении двух “великих” систем – социализма и капитализма и уделяют относительно мало внимания альтернативам в рамках капитализма. Отсутствует единство относительно их типологии. В качестве замены идеальных типов, опирающихся на обобщение реального исторического опыта и пригодных для теоретического анализа, используются лишь конкретные описания страны-прототипа (например, Японии, Швеции или США). Задача разработки подобных идеальных типов остается нерешенной.

3. Стоит задуматься над тем фактом, что в определенных сегментах внутри капиталистической системы, как в некоем микрокосме, повторяются некоторые проблемы макрокосмов – “больших систем”. В качестве убедительного примера можно привести реформу здравоохранения, которая стоит на повестке дня практически во всех странах мира. Вопросы, задаваемые в ходе дискуссий, и аргументы тех, кто вырабатывает рекомендации, вызывают чувство *deja vu* (явление ложной памяти. – *Прим. пер.*) у любого, принимавшего, как и автор данной статьи, участие в обсуждении путей реформирования социалистической системы. Почему нужно сохранить государственную собственность или, наоборот, отказаться от нее в здравоохранении? Будет ли правильным отдать на откуп рынку координацию деятельности в данном секторе или пусть все решает бюрократия? Каковы допустимые или желательные границы суверенитета потребителя? Кто должен устанавливать цены на услуги: рынок, один конкретный субъект рынка или какой-то государственный орган? Каковы преимущества и недостатки централизации и децентрализации? Если здравоохранение будет функционировать в соответствии с некоей моделью рыночного социализма в духе Ланге, как будут себя вести действующие лица (директор больницы, врач, пациент)? Не только вопросы, но и явления знакомы. Это особенно заметно в Европе как Западной, так и Восточной, где здравоохранение более или менее бесплатное и представляет собой “остров” социализма (или в лучшем случае рыночного социализма) в капиталистическом мире с присущими ему известными чертами: дефицитом, очередями, списками ожидания, вынужденной субституцией, бюрократическим распределением и рационированием.

Естественно, те, кто участвует в дискуссиях о реформе системы здравоохранения на Западе, читают и реагируют на работы, написанные их коллегами, особенно специалистами в данной области. Печально, что аналогия с социализмом никому не пришла в голову, хотя обсуждение тех же самых вопросов продолжалось в этом контексте в течение десятилетий. Более того, в коммунистических странах многие из обсуждаемых идей были реализованы на практике, так что их результаты вполне очевидны. Например, в ходе дискуссий о реформе здравоохранения часто звучит аргумент, что полная государственная централизация отрасли на первом этапе резко уменьшает админист-

ративные издержки и ликвидирует дополнительные издержки, связанные с конкуренцией, такие, как расходы на рекламу и борьбу за покупателя. Это верно, но самая высокая степень централизации была достигнута в рамках социалистической системы. Так оказалась ли в конечном счете централизация эффективной? Что она означает с позиции суверенитета потребителя и его защиты? Какие стимулы она создает или подавляет с точки зрения технического развития?

Стоило бы использовать подход, понятийный аппарат и методологию системной парадигмы, а также формулировки проблем, которые она ставит, для дополнения (но не для замены) существующей парадигмы экономики здравоохранения. Было бы полезным, если бы участники дискуссий ознакомились с работами, в которых обсуждаются вопросы реформирования социализма. Вполне возможно, что тогда не пришлось бы заново “открывать” все упомянутые вопросы и ответы. Это внесло бы важный вклад в дискуссию о реформе здравоохранения и привлекло бы внимание к изучению отношений, которые до сих пор игнорировались.

4. Последний вопрос – самый сложный: глобальная историческая трансформация “великой” капиталистической системы. Многие разделяют точку зрения, согласно которой оправданно говорить о существовании двух великих систем в XX в. – социализма и капитализма. Также общепризнанно, что четыре страны, где социалистическая система все еще полностью или частично существует, в конечном счете примут капиталистическую систему. Но, перефразируя Ф. Фукуяму²¹, закончится ли на этом история? В настоящее время происходит много важных изменений в технологии производства, средствах связи, распределении прав собственности и методах их обеспечения, “размываются” национальные границы. Возможно, в конце XXI или в XXII в. ученый – сторонник системной парадигмы скажет: “У нас сейчас есть другая великая система (или несколько систем), которая отличается от капиталистической системы XX в.” Было бы неоправданным приближать время подобной констатации, пока она не обоснована. Но следует задуматься над тем, в течение какого времени современный капитализм останется идентичным себе. Ставить подобные вопросы – общая черта эволюционной и системной парадигм. Последняя обеспечивает единые критерии для проведения водораздела между социализмом и капитализмом. Возможно, но совсем не обязательно, те же самые критерии подойдут для выявления различий между тем, что известно сегодня как капитализм, и системой или системами, еще не имеющими названия, которые могут прийти ему на смену.

Способность к предвидению

Последняя проблема, упомянутая в предыдущем разделе, подводит нас к заключительной теме – проблемам грядущих изменений. Вопросы, которые мы до сих пор рассматривали, не касались задач предвиде-

²¹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. London, Penguin Books, 1992.

ния, но затрагивали более узкую проблему определения момента, когда система, пока что именуемая капитализмом, изменится в такой степени, что, возможно, ее будет правильнее считать другой большой системой. Нельзя уйти от намного более серьезного вопроса о том, насколько успешно сторонники системной парадигмы выдержали испытание по главному “предмету” для всех наук – способности предвидеть будущее.

Краткий ответ (хотя и слишком и несправедливо краткий) будет следующим – в этом они потерпели неудачу. Точнее, не все их прогнозы оказались ошибочными, но несколько очень важных история опровергла.

Вернемся к ученым, упомянутым во втором разделе, и начнем опять с Маркса. В течение нескольких десятилетий казалось, что основное предсказание Маркса сбывается, по крайней мере в части мира: капиталистическая система уступает дорогу социалистической, частная собственность – общественной, а рынок – планированию. С исторической точки зрения эти тенденции оказались всего лишь временными. Марксов прогноз был жестоко опровергнут событиями в Восточной Европе и Советском Союзе.

Хайек предсказывал, что если капиталистическая страна попытается пойти по скользкой тропе централизации, государственного вмешательства и планирования, она не сможет остановиться, двигаясь по дороге к рабству. Это также не сбылось. Можно остановиться, пройдя четверть такого пути. Все еще сохраняется возможность повернуть назад, пройдя его половину. Вопрос решается в политической сфере при наличии институциональных гарантий, способных предотвратить установление тирании.

Предсказание Шумпетера в действительности не слишком отличалось от марксова, но он сделал его не со страстью пророка, а со сдержанностью бесстрастного ученого. Оказалось, что он сильно недооценивал жизнеспособность капиталистической и переоценивал жизнеспособность социалистической системы. Он пытался понять последнюю с позиций абстрактных моделей, заимствованных из теоретических трудов экономистов-вальрасианцев, вместо того, чтобы изучать кровавую реальность Советского Союза.

“Советологию” все ругали за то, что она не сумела предсказать крах Советского Союза и других коммунистических режимов. Частично эта критика справедлива. С одной стороны, большинство представителей экономической компаративистики и политологии считали аксиомой, что капиталистическая система превосходит социалистическую, и приводили в подтверждение этого множество аргументов. В данном смысле их работы подразумевали общее предвидение (в противовес Марксу и Шумпетеру), что социалистическая система в конечном счете обречена. С другой стороны, “советология” не сумела даже условно предсказать, когда и при каких обстоятельствах социалистическая система рухнет.

Автор настоящей статьи должен отнести эти критические замечания и на свой счет. В одном важном аспекте предсказания, содержащиеся в моих предыдущих работах, по-видимому, подтвердились. В то время как многие коллеги-ученые на Востоке и Западе думали, что реформы продлят жизнь социализму, устранив некоторые из его не-

достатков, я относился к этому скептически, указывая, что, хотя реформы улучшали качество жизни людей, они подрывали целостность самой системы. Вместо того чтобы совершенствовать систему, они ослабляли ее основы, вызывали эрозию, а не стабилизацию.

Что мне не удалось предвидеть, так это темпы такой эрозии. Однако не системная парадигма стала помехой правильным выводам, напротив, проблема заключалась в неспособности использовать ее подход и методологию с достаточной степенью цельности и точности, в неспособности глубоко изучить ситуацию и, следовательно, неспособности постигнуть взаимодействие различных дезинтеграционных процессов (например, накопления экономических проблем, отставания в гонке вооружений, разочарования в коммунистической идеологии после завоевания некоторых политических свобод и растущего цинизма и коррупции среди номенклатуры). Используя терминологию Гегеля, можно сказать, что количество скачкообразно перешло в качество. Нам надо было “пошире открыть глаза” при первых признаках таких скачков и внезапных изменений.

Следует признать, что, хотя сторонники системной парадигмы и не заслуживают двойки, тест на способность предсказывать они прошли слабо. Вместо того чтобы утешать себя тем, что по другим “предметам” у нас оценки лучше²², стоит извлечь уроки на будущее.

На улучшение возможностей предвидения нужно направить максимум усилий, но чуда здесь ждать нельзя. Развитие ситуации предвидеть трудно, особенно в критические моменты. По методологическим соображениям (не в качестве извинения) можно констатировать, что в области исследований, связанных с системной парадигмой, возможности для предсказания очень малы. Справедливо ожидать надежные научные прогнозы в области часто повторяющихся явлений. Люди регулярно покупают мясо. Используя хорошую модель и надежные статистические данные, можно сделать уверенный прогноз того, насколько повышение цены мяса на 1% сократит спрос на него. Советский Союз возник в один исторический момент, а рухнул – в другой. Поскольку последнее событие уникально и неповторимо, *нельзя ожидать* его научного предсказания с детальным описанием времени, когда оно произойдет, того, какие события должны ему предшествовать или как это случится. Системная парадигма концентрирует внимание именно на великих, уникальных, неповторяющихся социальных изменениях подобного типа. Даже если и не было сделано адекватного предсказания, на основе последующего тщательного анализа в рамках системной парадигмы можно извлечь много общих уроков.

²² Люблинский ребе славился своим даром провидца. Однажды в присутствии своих учеников он вскричал: “Я вижу, я вижу!” – “Что ты видишь, мудрый ребе?” – спросили они. “Я вижу Краспик, гетто в Краспике”. – “А что происходит в гетто в Краспике?” – “Я вижу огонь. В Краспике начипастся пожар!” Ученики ребе схватили ведра и поспшили на помощь свреям из Красника. Однако, когда они туда прибыли, то собственными глазами увидели, что пикакого пожара нет. Еврей из Красника стали смеяться над ними: “Ну что, этот ваш знаменитый ребе, он таки сильно ошибся?” Люблинские свреи ответили: “Да, пожара здесь нет, но это просто чудо, что он мог видеть так далеко – до самого Красника”.

Самое важное заключение, вытекающее из оценки способности предвидеть, – это необходимость быть очень скромным. Системную парадигму можно применять для объяснения как прошлого, так и будущего и для выработки практических рекомендаций, но при прогнозировании надо быть осторожным.

В данной статье не рассматривается вопрос, где при изучении общества проходит разделительная линия между мнением образованного человека и научной гипотезой²³. Вначале было упомянуто, что автор попытается, насколько возможно, обойти “минное поле” великих споров о философии науки. Это означает, что он воздержится от анализа критерия научности. Будем надеяться, что нас – сторонников системной парадигмы – не исключат из научного сообщества, если мы не будем стремиться измерить “объяснительную силу” наших идей в терминах способности (или притворной самоуверенности в способности) предвидеть.

Чем более далек и сложен в своих основаниях феномен, который необходимо предсказать, тем больше осторожности надо проявлять. Предсказания могут быть только условными. Интеллектуальная честность требует, чтобы мы сопровождали даже эти осторожные предсказания оговоркой: они сделаны с большой степенью неведения.

*Перевод с английского
С. Винокура*

²³ Р. Рорти исследовал этот вопрос в эссе памяти Т. Куна. Он ставит ему в заслугу то, что Куну удалось демистифицировать эту разделительную линию (Rorty R. Thomas Kuhn, Rocks and the Laws of Physics. – Common Knowledge, 1997, vol. 6, No 1). Применительно к экономике подобные положения рассматриваются в работах Д. Макклоски, включая его книгу “Риторика экономической науки” (McCloskey D. The Rhetoric of Economics. Madison, University of Madison Press, 1985), вызвавшую целую бурю критики. Хотя автор все время пытается подкреплять свои утверждения методами аргументации и доказательств, принятыми в экономике, помимо использования дополнительных инструментов, взгляды Рорти и Макклоски очень близки. Подобные посылки надо воспринимать с определенной долей иронии, а также самоиронии. В стиле данной статьи это должно присутствовать.

Заинтересованным читателям!

Редакция рекомендует книгу:

Янош КОРНАИ. Социалистическая система. Политическая экономика коммунизма. – Перевод с англ. М.: НП “Журнал Вопросы экономики”, 2000 – 672 с.

Книга написана в духе системной парадигмы и позволяет не только лучше осмыслить прошлое, понять причины краха коммунизма, но и объяснить многие противоречия и трудности постсоциалистической трансформации.

Заказы на книгу:

тел./факс: (095) 124-5228

e-mail: mail@vopreco.ru